Павел Игоревич Костогрыззов

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: pkostogryzov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9345-3900

КОРРУПЦИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Неолиберальные реформы 1990 – начала 2000-х гг. в Латинской Америке обернулись ростом коррупции. Попытки воспроизвести институты и практики, в «родной» для них социокультурной среде работающие на снижение уровня коррупции, не дают аналогичного эффекта в странах Латинской Америки. Это привело к пониманию того, что одни и те же институты функционируют по-разному в разных культурных средах. Однако практические рекомендации большинства исследователей, как правило, содержат более или менее замаскированный совет странам «третьего мира» менять свою культуру. По мнению автора статьи, выход из этой ситуации может быть найден только на пути формулирования латиноамериканскими странами собственной модели модернизации политической системы, органичной именно для их социумов и учитывающей их цивилизационные особенности. Создание подобной модели в регионе в последние десятилетия ведется режимами как левой, так и правой политической ориентации.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, культура, цивилизация, институты, модернизация, Латинская Америка.

Тема коррупции в Латинской Америке кажется вечной и неисчерпаемой. Многие страны региона, такие как Венесуэла, Гондурас, Никарагуа, из года в год фигурируют в списках наиболее коррумпированных. И хотя некоторым государствам, в частности Уругваю и Чили, удастся удерживать коррупцию на относительно низком уровне, сопоставимом с показателями развитых стран Евросоюза (Чили, впрочем, в последнее время частично утратило прежние позиции), индекс коррупции в целом по региону остается одним из самых высоких в мире (См.: Костогрыззов 2014; Костогрыззов 2016а; Мартынов 2017: 28-64).

Сегодня в науке принято выделять (наряду с другими) особую, латиноамериканскую, модель коррупции, которая характеризуется тем, что «попустительское правительство коррупции дает возможность теневым и криминальным группам достигнуть могущества, соизмеримого с государственным» (Голлик, Карасёв 2005: 185).

Бесконечная череда судебных дел и политических скандалов, в которых оказываются замешаны самые высокопоставленные должностные лица, вплоть до президентов, тянется практически через всю историю независимого существования государств региона. В последние два десятилетия количество громких коррупционных процессов заметно увеличилось, а политический уровень их фигурантов повысился. За это время целый ряд бывших глав государств Латинской Америки были признаны виновными в коррупционных преступлениях; это экс-президенты Никарагуа – Арнольдо Алеман, Гватемалы – Альфонсо Портильо, Гаити – Жан-Бертран Аристид, Парагвая – Луис Гонсалес Макки, Перу – Альберто Фухимори, Венесуэлы – Карлос Перес (Bautista 2012: 54, 60-61). В сентябре 2015 г. Президент Гватемалы О. Перес Молина подвергся импичменту по обвинению в создании криминальной сети, отмывании денег и незаконном обогащении; в 2016 г. за коррупцию была отстранена от должности Президент Бразилии Д. Русефф, а в 2017 за аналогичное преступление был осужден ее предшественник на этом посту И. Лула да Силва (Мартынов 2018: 71-73). Расследование ведется и против сменившего Д. Русефф М. Темера, и против многих других представителей бразильской политической элиты. Фактически если не под следствием, то под очень сильным подозрением оказалась вся правящая верхушка страны (Мартынов 2018: 71).

Неолиберальные реформы 1990 – начала 2000-х гг. не привели, вопреки ожиданиям их протагонистов, к повышению качества демократии в регионе, и в частности к снижению коррупции. Напротив, последняя, скорее, усилилась. И это вполне объяснимо. Во-первых, расширение рынка не всегда означает автоматическое усиление демократии (Мартынов 2017: 68); во-вторых, в результате рыночных реформ, осуществляемых в условиях слабой и коррумпированной государственности, складывается деформированный рынок, где получают конку-

рентное преимущество наименее честные экономические акторы, не гнушающиеся противозаконными методами ведения бизнеса. Как следствие, коррупция получает дополнительную «подпитку», еще прочнее укореняется в государственном аппарате и менеджменте частных корпораций. Особенно способствует такому развитию событий характерная для современной Латинской Америки неокстрактивистская модель, ориентированная прежде всего на эксплуатацию природных ресурсов и не предусматривающая вовлечение в процесс рыночной модернизации производящих секторов экономики. В результате углубление рыночных отношений приводит к одновременному расширению рынка «услуг» коррупционеров, укрепляя позиции последних в политической системе, а их клиентов – в экономике соответствующих стран.

Очевидно, что посредством одного лишь усиления репрессивных мер и расширения полицейского надзора избавиться от коррупции невозможно. Среди всего разнообразия подходов к политике противодействия коррупции наиболее продуктивным представляется тот, который видит решение этой «вечной проблемы» в установлении и отладке в стране системы *good governance* («хорошего управления» – англ.) (Карпович 2007: 23). Его привлекательность заключается в том, что в отличие от других подходов он направлен не на «борьбу» с коррупцией как с неким объективированным злом (отметим, что в данной схватке последнее неизменно побеждает), а на создание условий, при которых она просто не будет возникать (а если и будет, то в гораздо менее значительных масштабах). Иначе говоря, при подобном подходе борец с коррупцией не реактивен, а про-активен, то есть не ограничивается простой реакцией на уже сложившийся и воспринимаемый как объективная данность комплекс негативных явлений и действий (в этом случае он неизбежно попадает в зависимость от него, оказываясь вынужденным «играть» по диктуемым «противником» правилам), а действует на опережение, сам задает правила, по которым будет идти «игра». Собственно, такой путь и избрали государства, характеризующиеся в настоящее время низким уровнем коррупции, – главную роль в них играли создание и настройка системы институтов управления, а не полицейские, уголовно-правовые и какие бы то ни было еще меры «противодействия», «искоренения», «борьбы» с этим явлением.

Самые большие проблемы, с которыми сталкиваются при применении этого подхода, состоят, во-первых, в том, чтобы определить, что именно следует понимать под *хорошим управлением*, а во-вторых, в том, как внедрить эту систему управления в каждой конкретной стране.

Теоретически тема *good governance* разработана довольно глубоко и детально, в том числе и с точки зрения предотвращения коррупции. Необходимыми элементами *good governance* считаются реальное участие граждан в политических процессах, честные выборы с равным доступом различных политических сил, свобода создания и деятельности политических партий, парламентский контроль над исполнительной властью, независимый суд, прозрачная система назначения государственных служащих, подотчетность должностных лиц и органов власти гражданам и т.д. При этом большинством исследователей имплицитно предполагается, что «конструкция» всех этих институтов универсальна, необходимо лишь скопировать ее в тех странах, у которых «уже получилось», и перенести в те, где пока еще не все благополучно.

Трудности, однако, возникают на эмпирическом уровне. Попытки воспроизвести институты и практики, хорошо зарекомендовавшие себя в одних странах, не всегда дают в других такие же результаты в отношении качества управления. Для объяснения систематических неудач опытов подобного рода чаще всего привлекаются доводы культурологического (в широком смысле слова) плана: дескать, социокультурные особенности этих стран препятствуют эффективному функционированию прогрессивных политических институтов и, наоборот, способствуют распространению коррупции. Суть аргументации этого сорта в иронической форме выразил Б. Ротштейн: «Если бы мы полагались на культурные объяснения, то мы должны были бы сказать нашим братьям и сестрам, к примеру, в Нигерии, что высокий уровень коррупции в их стране обусловлен их порочной культурой» (Ротштейн 2017: 52).

Применительно к Латинской Америке данный «наивно-культурологический» дискурс породил идею «эндемичности» (а следовательно, очевидно, и неискоренимости) коррупции для этого региона, подвергнутую справедливой критике Б.Ф. Мартыновым (Мартынов 2018). Очевидно, что нельзя всерьез го-

ворить о «коррупциогенности» культуры, присущей какому-то цивилизационному ареалу в целом.

Однако полностью отрицать релевантность культурологических объяснений, как это делает Ротштейн, тоже не стоит. Просто акцент в них следует ставить не на «порочность» той или иной культуры самой по себе и «особую склонность к коррупции» ее носителей, а на исследование взаимодействия конкретной культуры с системой политических институтов, выстраиваемой в ходе модернизационных реформ. Под этим углом зрения тема «эндемичности» коррупции для тех или иных региональных цивилизаций приобретает иной смысл, становясь частью более широкой проблемы.

В конце прошлого века в общественных науках в качестве общепринятого утвердилось мнение, что «культура имеет значение». Закономерным следствием этого постулата явилось понимание того, что одни и те же институты работают по-разному в различных культурных средах. То есть непосредственная «трансплантация» политических форм и практик, выработанных одной цивилизацией, в другую не всегда дает ожидаемый эффект. Принимающая культура «обволакивает» чужеродный институт собственными «тканями», стремится включить его в уже сложившийся в ней «метаболизм» социальных ресурсов и смыслов, наполнить его собственным содержанием. Поэтому результат пересадки редко оправдывает ожидания «трансплантологов». В успешных случаях «трансплантат» приживается и начинает выполнять свои функции, хотя и не совсем так, как это происходило в «донорском» социуме. В менее успешных он не находит себе места и играет лишь декоративную роль. В самом худшем варианте социокультурный организм отторгает инородный институт, включая механизмы иммунной защиты. Есть все основания рассматривать высокий уровень коррупции как одно из проявлений такой «цивилизационной аллергии» на имманентно чуждые институты, «пересаженные» с одной культурной почвы на другую.

Следует ли из этого вывод о неизбежности коррупции и ее непобедимости в странах, принадлежащих к определенным цивилизационным ареалам, прежде всего относящихся к так называемому третьему миру? Думается, все-таки нет.

Само понятие «третий мир» возникло в рамках рефлексии мир-системы, сложившейся во второй половине XIX–XX в.,

и отражает даже не столько объективный характер этой мир-системы, сколько определенную парадигму ее восприятия. Согласно этой парадигме существует некий «магистральный» исторический путь человечества, на котором одни страны вырвались вперед («первый мир»), а другие отстали (соответственно «второй» и «третий» «миры»), но при этом все движутся в одном направлении и в перспективе должны достичь одной цели. Развитие в этом, единственно верном, направлении расценивается как «прогресс», а отклонение от него – как «регресс» и «деградация».

Такой способ интерпретации исторических процессов связан с колониализмом и догоняющей моделью развития. Последние три века мировой истории прошли под знаком глобального доминирования (прежде всего военно-политического, опиравшегося на технологическое превосходство) Запада. В итоге страны, принадлежащие к иным цивилизационным ареалам, вынуждены были либо становиться жертвами его экспансии, либо включаться в «гонку развития», чтобы сократить технологическое отставание и получить шанс отстоять свою независимость.

В последние десятилетия происходит постепенная смена форм доминирования, они становятся менее жесткими и агрессивными, что открывает возможности поиска альтернативных путей развития. Суровая необходимость больше не заставляет всех «бежать наперегонки в одном направлении». Сегодня наметилась своего рода «диверсификация исторического процесса». Новая геополитическая ситуация позволяет каждой цивилизации вырабатывать и реализовывать собственную модель развития. Конечно, степень этой «свободы цивилизационного выбора» не следует преувеличивать: преобладающая тенденция глобализации накладывает на нее существенные ограничения, особенно в технологической сфере, однако границы допустимого несомненно раздвинулись.

Это дает странам незападных цивилизационных ареалов шанс выбраться из колеи «догоняющего развития» и хотя бы попытаться просто «побыть собой», то есть сконструировать и начать воплощать в жизнь собственные модели социального и политического бытия. Вполне можно ожидать, что в результате будет формироваться более органичная для каждой такой страны система институтов публичной власти; это, в свою очередь, приведет к снижению напряженности, повышению доверия

между обществом и государством и, как следствие, будет снята основная «культурно-цивилизационная» причина коррумпции.

Задача определения основных параметров своей модели развития стоит перед элитой (в первую очередь интеллектуальной) любой страны. И если в странах, принадлежащих к одной из «классических» цивилизаций – европейско-христианской, мусульманской, китайско-конфуцианской и т.д., задача эта пусть и нетривиальна, но пути ее решения достаточно однозначно заданы самими цивилизационными особенностями, то случай Латинской Америки представляется более сложным.

Дело в том, что латиноамериканская цивилизация существенно отличается от «классических», для которых характерно доминирование внутренней целостности над дробностью и принципа единства над принципом множественности. Она (как, кстати, и российская цивилизация) принадлежит к так называемому пограничному типу, складывающемуся в зоне контакта двух разных цивилизаций. В результате длительного и активного взаимодействия «материнских» цивилизаций возникает некое новое единство, – единство весьма сложное и внутренне противоречивое (что позволяет даже некоторым исследователям отказывать культурам «пограничья» в статусе самостоятельных цивилизаций и признавать их лишь в качестве конгломератов элементов «материнских» цивилизаций). Для него характерны такие черты, резко отличающие его от цивилизаций «классического» типа, как преобладание внутреннего многообразия над единством, гетерогенности над гомогенностью; характер социальной и культурной действительности как «пограничья» между цивилизацией и варварством, постоянный переход через грань меры как способ бытия человека и общества (Шемякин 2000; Шемякин 2016: 161-162). «Одна из определяющих черт всего цивилизационного “пограничья”, включая Латинскую Америку и Россию, – сочетание и причудливое переплетение основных типов межцивилизационного взаимодействия – противостояния, симбиоза и синтеза» (Шемякин 2016: 161).

Надо сказать, что сами латиноамериканцы вполне осознают эту имманентную гетерогенность, «двуприродность» своей цивилизации. И лидер борьбы за независимость Латинской Америки Симон Боливар, говоривший: «Мы не европейцы, а нечто среднее между аборигенам и испанцами», и мексиканский

философ XX – начала XXI в. Леопольдо Сеа, указывавший на метисацию (в первую очередь не расовую, а культурную) как на конститутивный элемент латиноамериканской идентичности, и наш современник Б. Эчеверриа (Шемякин 2018: 10–11), и многие другие интеллектуалы региона стремились найти формулу «латиноамериканскости», которая объединила бы эти разнородные начала. Одновременно в саморефлексии ибероамериканского мира имеет место и устойчивая линия на восприятие отмеченной гетерогенности как «проклятия», препятствия на пути прогресса, которое надо преодолеть. У ее истоков стоит аргентинский мыслитель и политический деятель XIX в. Доминго Фаустино Сармьенто, предложивший цивилизационный проект европеизации региона, в результате которой индейское начало должно было если не полностью «раствориться» в европейском, то подчиниться ему, а латиноамериканским странам предстояло превратиться в «нормальную» часть западной цивилизации.

Парадокс заключается в том, что, хотя идейным «мэйн-стримом» в Латинской Америке стало первое течение, в политической практике на протяжении первых двух веков независимости фактически реализовывалась программа второго. Политические и правовые институты в странах региона строились по европейским и североамериканским образцам (насколько адекватно воспроизводились эти образцы – другой вопрос). При этом общественная «стихия» продолжала существовать и развиваться по своим законам. Ее нижние уровни, включающие большинство населения (и автохтонного, и метисного, и даже значительную часть креольского), функционировали не по конституциям и законам, издаваемым в столицах; они сохраняли уклад жизни, сформировавшийся еще в доколумбову эпоху. Разумеется, он значительно модифицировался в колониальный и республиканский периоды, но эти изменения происходили, скорее, в соответствии с собственными внутренними законами развития, чем с принимаемыми «наверху» решениями.

Можно согласиться с Я.Г. Шемякиным, что из трех основных типов межцивилизационного взаимодействия в Латинской Америке на протяжении всей ее истории преобладали и продолжают преобладать симбиоз и противостояние (Шемякин 2016). Последнее, в частности, выражается в стойком недоверии населения большинства стран государственным властям.

Что касается третьего типа взаимодействия – синтеза – то он лишь едва намечен. Это неудивительно, так как латиноамериканская цивилизация – самая молодая из существующих на Земле, а процесс межцивилизационного синтеза труден и требует длительного времени.

В результате «собственное лицо» латиноамериканской цивилизации еще не вполне определилось. Это касается различных аспектов общественного бытия, но нас здесь интересует политическая сфера. Построение собственной модели политических институтов для стран Латинской Америки затруднено тем, что в отличие от классических цивилизаций, которым (по крайней мере теоретически) для этого достаточно просто обратиться к неким, давно известным и не вызывающим споров, ценностным и мировоззренческим основаниям, им предстоит эти основания заново создавать и формулировать. Речь в данном случае не может идти о «возвращении к истокам» лишь одной из «материнских» цивилизаций – европейской или аборигенной; необходим их синтез, на базе которого только и возможно создание системы политических институтов, органичной для этих стран и в наибольшей степени соответствующей их социокультурной специфике. Это должна быть качественно новая, оригинальная модель демократии, опирающаяся как на опыт Запад, так и на ценности и социальные практики индейского мира, но несводимая ни к тем, ни к другим, ни к их «арифметической» сумме.

Есть ли признаки, указывающие на то, что процесс поиска таких моделей в Латинской Америке уже начался? Известный отечественный латиноамериканист Б.Ф. Мартынов усматривает их в «левом повороте», который он считает попыткой «найти, наконец, собственную “автохтонную” форму демократического развития после 200-летнего следования по импортированному образцу» (Мартынов 2018: 75). Заметим, что автохтонность здесь следует понимать в указанном выше смысле – как разработку своей, оригинальной, новой модели, а ни в коем случае не как простое возвращение к аборигенным практикам доколониальной эпохи. В некоторой степени с ним можно согласиться, однако необходимо иметь в виду, что сама дихотомия политического поля на «правое» и «левое» – европейского происхождения, а «социализм», являющийся ориентиром для латиноамериканских режимов «левого поворота», пусть даже и

«с национальной спецификой», «боливарианский» и т.д. – такое же западное заимствование, как и «капитализм». Следует подчеркнуть, что левизна отнюдь не выступает гарантией от коррупции: среди трех самых коррумпированных стран Латинской Америки две – Венесуэла и Никарагуа – придерживаются социалистической ориентации (Нисневич 2018: 157-159). Кубу, страну с самым старым социалистическим режимом в Западном полушарии, также едва ли можно назвать «островом свободы от коррупции».

Если в политических процессах, развернувшихся в латиноамериканском регионе в начале XXI в., есть то, что можно обозначить как попытку найти «автохтонную» форму демократического развития, искать этот элемент следует не в левизне режимов «левого поворота», а несколько в иной плоскости. Во многих странах Латинской Америки идет постепенная перестройка политических и правовых систем с опорой на существовавшие всегда, но до последнего времени остававшиеся латентными социальные институты. Эта трансформация находит выражение в конституционно-правовом признании юридического плюрализма, расширении автономии индейских общин, включении в национальные политические системы традиционных для региона, но нетипичных для «классической» западной демократии институтов гражданского участия. Можно сказать, что вектор политического развития Латинской Америки медленно, но достаточно последовательно разворачивается в направлении большего учета местной социокультурной реальности. Причем касается это не только режимов «левого поворота»: один из самых правых латиноамериканских политиков последних двадцати лет, Президент Колумбии в 2002–2010 гг. А. Урибе проводил реформы в том же направлении. В целом указанную тенденцию можно описать как «коммунитарную демократию» (Костокрызов 2013; Костокрызов 2016b; Костокрызов 2017; Костокрызов 2018). Есть основания надеяться, что именно на данном пути в странах Латинской Америки станет возможным становление более органичных для данного цивилизационного ареала политических институтов; это должно привести если не к искоренению коррупции, то к существенному снижению ее уровня.

Пока же те авторы, которые признают культурную обусловленность широкого распространения коррупции в регио-

не, когда дело доходит до конкретных рекомендаций, в более или менее явной форме советуют странам «третьего мира» менять свою культуру (Харрисон, Хантингтон 2002). Даже Б.Ф. Мартынов, который совершенно справедливо указывает на «историческую неукорененность и изоморфизм демократических государственных институтов» в Латинской Америке как на основную причину их «общей эндемичной слабости», в той же статье пишет, что «искоренение культуры коррупции требует создания в обществе атмосферы нетерпимости к ней, а это невозможно без целенаправленного и последовательного воспитания общей культуры людей» (Мартынов 2018: 78).

С первой частью этого высказывания трудно не согласиться, но вторая вызывает вопрос о возможности и целесообразности такого воспитания. Кто мыслится в качестве субъекта этого «педагогического процесса»? Очевидно, имеется в виду государство. Но идея государства как воспитателя, целенаправленно меняющего саму культуру народа, родившаяся в умах идеологов Просвещения и руководившая деятельностью реформаторов-идеалистов эпохи просвещенного абсолютизма и полицейского государства, а позже нашедшая свое наиболее полное воплощение в теории и практике тоталитарных режимов XX в., в наше время представляется опасным анахронизмом и вряд ли имеет шанс на возрождение. Да и какого «воспитательного воздействия» на умы граждан можно ожидать от государства, аппарат которого почти полностью коррумпирован?

Но даже если государство и возьмет на себя такую задачу, результат может оказаться далеким от ожидаемого. К примеру, эмпирические исследования российских ученых показали, что «антикоррупционное образование» чиновников зачастую дает эффект, обратный предполагавшемуся, – облегчает совершение ими преступлений, делая их более «квалифицированными» коррупционерами (Хабриева 2018: 52). Тем не менее авторы этого исследования продолжают отстаивать «антикоррупционное образование граждан, позволяющее определить новые мировоззренческие ориентации» в качестве способа «формирования новой парадигматики современной культуры, становления опережающего образования, обеспечивающего “нулевую терпимость” по отношению к коррупционным проявлениям и процессам» (Хабриева 2018: 87). Видимо, они считают «граждан» и

«чиновников» настолько различными антропологическими типами, что ожидают благотворных результатов от «антикоррупционного образования» первых, несмотря на выявленный ими же негативный эффект аналогичного воздействия на вторых.

На наш взгляд, гораздо перспективнее не «переделывать» культуру населения (при этом мы вовсе не утверждаем, что такая переделка невозможна – ряд примеров из недавней истории доказывает осуществимость подобных проектов), а наоборот – реформировать государство с учетом имеющихся культурно-цивилизационных особенностей страны.

Резюмируя, можно сформулировать несколько основных выводов:

- коррупция в Латинской Америке (как, впрочем, и в любом регионе мира) несомненно обладает культурно-цивилизационной спецификой;

- специфика эта не должна трактоваться как особая (большая, чем у других) предрасположенность носителей латиноамериканской культуры к данному виду преступлений или имманентная коррумпированность латиноамериканского социума;

- цивилизационная обусловленность латиноамериканской коррупции означает, что выработанные иной («западной», то есть европейско-североамериканской) цивилизацией политические институты и практики, в «родной» для них социокультурной среде приводящие к снижению уровня коррупции, не дают аналогичного эффекта в странах Латинской Америки;

- выход из этой ситуации, на наш взгляд, может быть найден только на пути формулирования собственной модели модернизации политической системы, органичной именно для латиноамериканских социумов и учитывающей их цивилизационные особенности;

- выработка такой модели в регионе ведется в последние десятилетия режимами как левой, так и правой политической ориентации.

Материал поступил в редколлегия 18.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Голик Ю.В., Карасёв В.И. 2005. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб. : Юрид. центр-Пресс. 329 с.
Карпович О.Г. 2007. Коррупция в современной России. М. : Юрист. 243 с.

Костогрызов П.И. 2013. Коммунитарное государство в политике Альваро Урибе: пропагандистский лозунг или новая форма демократии? // Современная демократия: история, актуальные проблемы и потенциалы развития : тез. и докл. V Всерос. науч.-практ. конф., 9-10 нояб. 2013 г., Дом Плеханова, г. С.-Петербург. СПб. С. 30-32.

Костогрызов П.И. 2014. Коррупция и антикоррупционная политика в латиноамериканских странах: современные вызовы и тенденции // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 435-442.

Костогрызов П.И. 2016а. Коррупция в Латинской Америке и России: общее и особенное // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург : УрО РАН. С. 390-399.

Костогрызов П.И. 2016b. Феномен латиноамериканского неоконституционализма // Право и политика. № 12. С. 1492-1500. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.12.17092

Костогрызов П.И. 2017. Конституционализация юридического плюрализма в латиноамериканских странах: сравнительный анализ национальных моделей // Конституц. и муницип. право. № 11. С. 73-76.

Костогрызов П.И. 2018. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. М. : Юрлитинформ. 248 с.

Мартынов Б.Ф. (ред.) 2017. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / под ред. Б.Ф. Мартынова. М. : Весь Мир. 272 с.

Мартынов Б.Ф. 2018. «Эндемичность» коррупции для Латинской Америки // Междунар. процессы. Т. 16, № 1. С. 69-79.

Мартынов В.С. 2017. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 1. С. 61-82.

Нисневич Ю.А. 2018. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М. : Юрайт. 237 с.

Ротштейн Б. 2017. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния. Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 1. С. 35-58.

Хабриева Т.Я. (ред.) 2018. Противодействие коррупции: новые вызовы / отв. ред. Т.Я. Хабриева ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. М. : Инфра-М. 382 с.

Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.) 2002. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Моск. шк. полит. исслед. 320 с.

Шемакин Я.Г. 2000. Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forum.uer.ru/varvar.ru/arhiv/texts/shemyakin1.html> (дата обращения: 02.09.2018).

Шемакин Я.Г. 2016. Россия и Латинская Америка как цивилизации: попытка сравнения. Размышления над книгами В.Б. Земскова // Мир России. № 1. С. 154-180.

Шемякин Я.Г. 2018. Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы // Латинская Америка. № 3. С. 5-19.

Bautista O.D. El problema de la corrupción en América Latina y la incorporación de la ética para su solución // Espacios Públicos. Madrid. 2012. Año 15 (35). P. 48-62.

Pavel I. Kostogryzov, Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: pkostogryzov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-9345-3900

CORRUPTION IN LATIN AMERICA: SOCIOCULTURAL ANALYSIS

Abstract. Neoliberal reforms of the 1990s – early 2000s in Latin America led not to a decrease, but to an increase in corruption. Attempts to reproduce the institutions and practices developed by a different civilization, which in their “native” socio-cultural environment led to a decrease in the level of corruption, do not produce a similar effect in Latin America. This has led to the understanding that the same institutions operate differently in different cultural environments. However, practical recommendations usually tend to be more or less explicit advice to third world countries to change their culture. According to the author of the article, a way out of this situation can be found only through formulating their own model of modernization of the political system, which is organic for Latin American societies, and takes into account their civilizational features. Development of such a model in the region has been carried out in recent decades by regimes of both left and right political orientation.

Keywords: corruption; anti-corruption politics; culture; civilization; institutions; modernization; Latin America.

References

Bautista O.D. *El problema de la corrupción en América Latina y la incorporación de la ética para su solución* [The Problem of Corruption in Latin America and Incorporation of the Ethics for Its Solution], *Espacios Públicos*, Madrid, 2012, Año 15 (35), pp. 48-62. (in Spanish).

Golik Yu.V., Karasev V.I. *Korrupsiya kak mekhanizm sotsial'noy degradatsii* [Corruption as a social degradation mechanism], St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr-Press, 2005, 329 p. (in Russ.).

Harrison L., Huntington S. (eds.) *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002, 320 p. (in Russ.).

Karpovich O.G. *Korrupsiya v sovremennoy Rossii* [Corruption in present-day Russia], Moscow, Yurist», 2007, 243 p. (in Russ.).

Khabrieva T.Ya. (ed.) *Protivodeystvie korrupsii: novye vyzovy* [Counteracting corruption: new challenges], Moscow, Infra-M, 2018, 382 p. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Fenomen latinoamerikanskogo neokonstitutsionalizma* [Phenomenon of Latin American neoconstitutionalism], *Pravo i politika*, 2016, no. 12, pp. 1492-1500. DOI: 10.7256/1811-9018.2016.12.17092 (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Kommunitarnoe gosudarstvo v politike Al'varo Uribe: propagandistskiy lozung ili novaya forma demokratii?* [Communitarian state in A. Uribe's politics?], *Sovremennaya demokratiya: istoriya, aktual'nye problemy i potentsialy razvitiya : tez. i dokl. V Vseros. nauch.-prakt. konf., 9-10 noyab. 2013 g., Dom Plekhanova, g. S.-Peterburg*, St. Petersburg, 2013, pp. 30-32. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Konstitutsionalizatsiya yuridicheskogo plyuralizma v latinoamerikanskikh stranakh: sravnitel'nyy analiz natsional'nykh modeley* [Constitutionalization of legal pluralism in Latin American Countries], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 11, pp. 73-76. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Korrupsiya i antikorrupsionnaya politika v latinoamerikanskikh stranakh: sovremennye vyzovy i tendentsii* [Corruption and anti-corruption politics in Latin American countries: present-day challenges and trends], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf., Ekaterinburg, UrO RAN*, 2014, pp. 435-442. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Korrupsiya v Latinskoy Amerike i Rossii: obshchee i osobennoe* [Corruption in Russia and Latin America: common and distinctive features], *Rudenko V.N. (red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, pp. 390-399. (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoy Ameriki* [Community justice in Latin American countries], Moscow, Yurlitinform, 2018, 248 p. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Doverie v sovremennoy Rossii: mezhdru pozdnim Modernom i novoy soslovnost'yu?* [Trust in contemporary Russia: between late modernity and new estate order?], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 61-82. (in Russ.).

Martynov B.F. (ed.) *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoy Amerike i stranakh Karibskogo basseyne* [Present-day organized crime in Latin America], Moscow, Ves' Mir, 2017, 272 p. (in Russ.).

Martynov B.F. «Endemichnost'» korrupsii dlya Latinskoy Ameriki [Is corruption endemic in Latin America?], *Mezhdunarodnye protsessy*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 69-79. (in Russ.).

Nisnevich Yu.A. *Politika i korrupsiya: korrupsiya kak faktor mirovogo politicheskogo protsessa* [Politics and corruption: corruption as a factor of world political process], Moscow, Yurayt, 2018, 237 p. (in Russ.).

Rotshtein B. *Korrupsiya i obshchestvennoe doverie: pochemu ryba gniet s golovy* [Corruption and social trust: why the fish rots from head down],

Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 35-58. (in Russ.).

Shemyakin Ya.G. *Latinskaya Amerika i Rossiya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [[Latin America and Russia in comparative historical scope], 2000, available at: <http://www.forum.uer.varvar.ru/arhiv/texts/shemyakin1.html> (accessed September 02, 2018). (in Russ.).

Shemyakin Ya.G. *Rossiya i Latinskaya Amerika kak tsivilizatsii: popytka sravneniya. Razmyshleniya nad knigami V.B. Zemskova* [Latin America and Russia as Civilizations: an Essay of Comparison], *Mir Rossii*, 2016, no. 1, pp. 154-180. (in Russ.).

Shemyakin Ya.G. *Tema prav cheloveka v kontekste problemy identichnosti: latinoamerikanskije podkhody* [Human Rights Point in the Context of Identity Problem: Latin American Approaches], *Latinskaya Amerika*, 2018, no. 3, pp. 5-19. (in Russ.).